

Памяти А. А. Шахматова.

(Изъ гимназическихъ воспоминаній).

Въ Москвѣ у Покровскихъ воротъ есть церковь съ императорской короной вмѣсто купола. У церкви громадный бѣловато-сѣрый старинный домъ. Въ церкви когда-то полуграмотный малорусскій казакъ повѣнчался съ императрицей—оттого на ней и корона,— а домъ это тотъ самый дворецъ, гдѣ послѣ брака Елисавета Петровна и гр. Алексѣй Разумовскій провели свои первые медовыя дни. Теперь это московская 4-ая гимназія, бывший университетскій благородный пансіонъ. Въ этомъ домѣ я впервые встрѣтился и познакомился съ Шахматовымъ. Спустя много лѣтъ я вновь посѣтилъ этотъ домъ. Затхлымъ миѣ показался его воздухъ и тѣсными переходы. Но тогда широкою струею вливалось въ высокія окна дворца Елисаветы молодое весеннее солнце и золотомъ играло на черныхъ скамейкахъ. Вѣяло весною, потому что и въ душѣ было майское утро.

Когда это было, точно не помню, но не раньше 1880 г. Шахматовъ вошелъ къ намъ незамѣтно, маленькій гимназистикъ съ бѣлокурой головой. Въ седьмомъ классѣ въ 1881—1882 г. я уже его помню отчетливо. Какъ ученикъ, онъ рѣшительно ничѣмъ не выдавался и передъ латинскими и греческими уроками, какъ всѣ мы, насѣхъ просилъ ему перевести Цицерона, чтобы при помощи чужихъ знаній получить кое-какъ отъ Владимира Самойловича Вислопкаго тройку. Но вскорѣ всѣ мы узнали, что нашъ новый товарищъ — своего рода достопримѣчательность, что онъ по цѣлымъ вечерамъ сидитъ надъ книгами и что, если и не можетъ быть названъ начальникомъ всѣхъ буквъ и звуковъ, какъ въ известной французской загадкѣ: *je suis le capitaine de vingt-quatre*

soldats; sans moi Paris est pris, то за то онъ, какъ свой, среди звуковъ, что по четвергамъ, кажется, онъ бываетъ аккуратно у профессора О. Е. Корша, посѣщаетъ лингвистическій кружокъ Fortunatova, словомъ, что онъ уже ученый.

Скоро объ этомъ узнала и вся Москва. Въ университетѣ былъ диспутъ Соболевскаго. И вотъ, когда кончились возраженія официальныхъ оппонентовъ и деканъ по принятому обычаю спросилъ, не желаетъ-ли возразить кто-нибудь изъ публики, вдругъ къ удивленію всѣхъ поднялся маленькій гимназистъ въ синенькомъ мундирчикѣ съ серебряной каймой и сталъ возражать, да такъ дѣльно, такъ основательно, что Соболевскому пришлось отражать удары, какъ будто бы ихъ наносила рука опытнаго бойца.

Это было первое публичное выступленіе Шахматова.

А въ гимназіи своимъ чередомъ шла обычная учеба. Дѣйствовала-ли она на будущего академика? Конечно. Но дѣйствіе это не поддается учету. Во всякомъ случаѣ не въ гимназіи находилъ онъ импульсы для тѣхъ занятій, свидѣтельницами которыхъ былъ маленький уголокъ въ меблированныхъ комнатахъ на Малой Лубянкѣ. Преподавателемъ русскаго языка былъ у насъ А. Г. Преображенскій, молодой, тонкій, высокій брюнетъ. Онъ еще съ розой въ петлицѣ ѣздилъ въ Пушкино, но интересовался и наукой и какъ разъ тогда издалъ свою грамматику. Помню слова о немъ Шахматова: „представьте, онъ имѣлъ дерзость прислать свою грамматику Fortunatovu“. Послѣ Шахматова сумѣлъ вѣрнѣе оцѣнить своего учителя, чей „Этимологическій словарь русскаго языка“ не безъ пользы для науки находится теперь въ кабинетѣ каждаго русскаго лингвиста. Рассказывали, что не безъ помощи Шахматова удалось спасти еще не напечатанные послѣдніе листы словаря, за отдѣлкою которыхъ застала Преображенскаго смерть.

Изъ другихъ учителей на судьбу Шахматова имѣли нѣкоторое вліяніе В. М. Михайловскій и Платонъ Андреевичъ Кулаковскій; послѣдній рассказывалъ мнѣ потомъ, что это они оба убѣдили совѣтъ гимназіи дать ему хоть серебряную медаль не за гимназическія заслуги, которыхъ, строго говоря, не было, а просто потому, чтобы не лишитъ гимназію выдающагося имени, ибо и тогда уже было ясно, что въ Шахматова вырастетъ большой ученый. И вотъ теперь среди золотыхъ досокъ нашей гимназіи, гдѣ посѣтитель можетъ прочесть имена Жуковскаго, Тургеневыхъ,

Муравьевыхъ, князя Шаховскаго и другихъ русскихъ знаменитостей, есть и доска, гдѣ подѣ 1883 г. значится:

Шахматовъ Алексѣй. Съ серебряной медалью.

Изъ учениковъ Шахматовъ ближе всѣхъ былъ съ Н. Д. Кузнецовымъ, потомъ адвокатомъ, профессоромъ Московской Духовной Академіи и извѣстнымъ церковнымъ дѣятелемъ. Кузнецовъ былъ старше насъ по классу на годъ. Что ихъ связывало, я не знаю, но вѣчно они были вмѣстѣ—одинъ худенькій, тоненькій, какъ спичка, и высокій, другой маленькій сутуловатый карапузикъ съ вѣчной книгой въ рукѣ, одинъ нервный и живой, другой съ вѣчной усмѣшкой на спокойномъ лицѣ. Въ нашемъ классѣ у Шахматова близкихъ друзей не было. Но, конечно, онъ принималъ участіе въ вѣчныхъ спорахъ и бесѣдахъ подѣ лѣстницей во время большой перемѣны, когда съ пятикопѣчнымъ филипповскимъ калачомъ въ рукѣ рѣшали мы вопросы литературы и эстетики. О политикѣ рѣчи не было; то, что называлось раньше общественными интересами, не увлекало насъ. Вѣдь это было тихое и скромное поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ, которое входило въ жизнь съ девизомъ органической работы, а не политическихъ потрясеній.

Мы съ Шахматовымъ были ежедневными собесѣдниками tête-à-tête. Дороги наши въ гимназію и изъ гимназіи сходились, и съ ранцами подѣ мышкой, подгоняемые московскими морозами, мы шли, бывало, каждый день вмѣстѣ—онъ зналъ и тогда уже, куда идти; я шелъ безъ особой цѣли, потому что и тогда уже жилъ какъ листокъ на деревѣ, что трепещется отъ вѣтровъ, но знаетъ за собою только то достоинство, что не отрывается отъ вѣтки, на которой выросъ и живетъ.

О чемъ мы говорили? Богъ вѣсть! Помню, какъ теперь, въ рукахъ его письмо съ надписью на конвертѣ „П. В. Ягичу“. И тогда уже онъ велъ ученую переписку. Въ 1881 г. въ Archiv für slav. Philologie напечаталъ онъ первую свою статью: Zur Kritik der altrussischen Texte. Помню, какъ рассказывалъ онъ о своихъ занятіяхъ польскимъ языкомъ: онъ читалъ тогда Крашевскаго, котораго называлъ „польскимъ Тургеневымъ“. Помню, какъ однажды я сообщилъ ему о словахъ, сказанныхъ П. А. Кулаковскимъ въ классѣ, что нѣтъ и не можетъ быть прогресса) внѣ христіанства.

Намъ казалось это очень ретрограднымъ, и Шахматовъ, очевидно, имѣя въ виду кружки, которые онъ посѣщалъ, говорилъ: „надо будетъ объ этомъ разказать“. И оба мы возмущались. Какъ мы еще тогда были юные! Помню, наконецъ, какъ онъ говорилъ мнѣ, что мнѣ трудно будетъ сдѣлать что-нибудь въ жизни, потому что у меня слишкомъ много отвлекающаго отъ дѣла, слишкомъ мало сосредоточенности. И онъ былъ правъ. Я жилъ, ни о чемъ не думая, беззаботный и вольный. Онъ уже тогда взялъ себя въ шоры и началъ свой ученый монашескій подвигъ. Ибо въ концѣ концовъ что же такое истинный ученый, какъ не монахъ, какъ не отшельникъ? Наука знаетъ своихъ избранниковъ, но она и требуетъ отъ каждаго изъ нихъ всего человѣка. — Она ревнива и не любитъ дѣлить ни съ кѣмъ своей власти. Ученый—это аскетъ.

Но, признавая ея приматъ и отдавая ей всѣ свои силы, Шахматовъ былъ, однако, всегда живой человѣкъ, и въ этомъ я вижу его наибольшее достоинство. Ибо и наука сильна своей связью съ жизнью. Не золотились бы такъ ярко на солнцѣ кресты нашихъ монастырей, если бы въ дремучей чащѣ лѣсовъ не становились они богами культуры, если бы благостной душою не откликались на жизнь родного народа, на его боли и нужды. Аскетъ въ наукѣ—онъ и въ Петербургѣ-то принималъ у себя только разъ въ недѣлю и то въ 11 часовъ утра, когда Петербургъ еще на половину спитъ — Шахматовъ не отгораживался отъ жизни никогда.

Встаетъ передо мною осенній московскій вечеръ. Кое-гдѣ горятъ тогда еще не газовые, а керосинные фонари. Мокрый снѣгъ бьетъ намъ въ лицо, а мы снѣжимъ на Покровку къ одному изъ товарищей, потомъ извѣстному въ Москвѣ доктору Чулкову. Маленькая комнатка его быткомъ набита синими мундирами. Душно, но духоты никто не чувствуетъ. Что за засѣданіе? что за разговоръ? Какой тамъ разговоръ! Просто мы собрались на первое редакціонное засѣданіе. Рѣшили издавать журналъ. Шахматовъ, конечно, съ нами. Припасены большія кучи бумаги. Идутъ споры о названіи. И вотъ, наконецъ, и оно придумано: *Братство*. Какой же былъ на тѣ восторгъ или радость, когда по окончаніи преній всталъ одинъ изъ насъ, теперь уже покойный докторъ Д. В. Григорьевъ, и прочелъ на тѣ неожиданно свое стихотвореніе

подъ тѣмъ же названіемъ и прозвучалъ передъ нами обѣтъ дружбы:

Разрозненныхъ печаль и горе ждеть,
Но не коснется братскаго союза
Гроза житейскихъ буръ и непогодъ.

Крѣпко пожимали мы другъ другу руки, и свѣтлые сны снились намъ въ ту ночь.

Черезъ мѣсяцъ журналъ нашъ вышелъ. Это было въ 1881 г. Къ первой книжкѣ приложенъ былъ нарисованный Кузьминымъ, потомъ докторомъ въ Москвѣ, портретъ Дарвина. А начиналась книжка статьями Шахматова: „Что такое языкъ“? Членовъ, потомъ знаменитый сионистъ, помѣстилъ свою исторію евреевъ въ Испаніи; я—потомъ напечатанную въ „Рус. Архивѣ“ біографію Рылѣва и театральныя статьи; Хинъ, недавно умершій московскій адвокатъ, писалъ публицистическія статьи; талантливый, свѣтлый и добрый, но потомъ сбившійся съ дороги Зубковъ — веселый раешникъ; Полянскій П. Н. и Григорьевъ—стихи. Конечно, былъ очеркъ и исторіи французской революціи по Луи Блану. По его даль пріѣхавшій къ намъ изъ провинціи новый ученикъ, теперь докторъ въ Петербургѣ, В. И. Бинштокъ. Это былъ провинціализмъ. Москва тогда не думала о революціи. А слово „соціализмъ“ и не поминалось на страницахъ нашего журнала. Нашимъ философомъ былъ сынъ извѣстнаго профессора — юриста, А. А. Чебышевъ-Дмитріевъ, теперь самъ профессоръ Педагогическаго Института. Сильнымъ и, какъ теперь говорятъ, ляпидарнымъ слогомъ онъ проповѣдывалъ крайній индивидуализмъ и даже насъ немножко смущалъ, выступая открыто противъ какихъ бы то ни было поползновеній класса, который выводился въ его діалогахъ подъ непріятнымъ и навизнанку вывороченнымъ именемъ „Ссалкъ“.

Журналъ издавался въ единственномъ экземплярѣ, и вышло его три толстыхъ книжки въ объемъ „Вѣстника Европы“. Это было серьезное и толстое revue и собственно гимназической жизни почти не касалось. Всего вышло три книжки. Потомъ большинство изъ насъ перешло въ 8-ой классъ. Мы съ Чебышевымъ остались въ 7-мъ классѣ. Иныя уже замелькали впереди достиженія, и было не до журнала, но осталась въ душѣ благодарная память о двякъ соединеніи и, когда теперь, припоминая прошлое, возобновляешь

въ своей памяти составъ статей нашего журнала, хочется сказать слово въ защиту нашего поколѣнія: его интересы не были лишены серьезности.

Въ 1883 г. Шахматовъ и другіе наши товарищи кончили гимназію. Мы съ Чебышевскимъ не участвовали въ ихъ пиршествѣ. Но зато, когда черезъ годъ и для насъ наступила пора „созрѣть“, Шахматовъ былъ съ нами. Маленькій деревянный московскій домикъ въ переулкѣ тутъ же у гимназіи. Въ проходной комнатѣ столъ на 5-ть приборовъ. На бѣлой, какъ серебро, скатерти сестра Чебышева, теперь извѣстная въ Петербургѣ поэтесса Евгенія Александровна Чебышева-Дмитріева, передъ каждымъ изъ насъ положила пучокъ бѣлыхъ ландышей. И начался нашъ пиръ, точно изысканный пиръ древнихъ грековъ безъ взрыва откупоренныхъ бутылокъ, безъ кутежей, безъ шумнаго гула пѣсенъ, но съ аттической солью бесѣдъ. Мы были изъ того поколѣнія, которое умѣло ѣсть черствые сухари за полупотухшимъ самоваромъ и буйство общихъ оргій замѣнять задушевностью разговора. И что же изъ того, что, какъ пиво молодое, не бурлила въ насъ юность, что она не пѣнилась избыткомъ силъ, не плескалась черезъ край? Все же это была самая настоящая юность. Андреевскихъ Онуфриевъ среди насъ не было, но зато были Шахматовы.

Въ университетѣ Шахматовъ былъ прикрѣпленъ къ „Большой Словесной Аудиторіи“. Тамъ читалъ свои лекціи Фортунатовъ. Въ Краковѣ не безызвѣстный и у насъ профессоръ Лютославскій устраивалъ когда-то свои чтенія по философіи не въ Ягеллонскомъ университетѣ, а за 2 версты отъ города на вершинѣ кургана въ честь Костюшки и притомъ въ 6-ть часовъ утра. Когда его спрашивали, почему онъ выбралъ такой ранній часъ и такое неудобное мѣсто, онъ отвѣчалъ: „Не хочу, чтобы меня смущалъ всякій. Мнѣ нужны только избранные слушатели, тѣ, которые для философіи готовы пожертвовать утреннимъ сномъ“. Ужъ не знаю, что руководило Фортунатовымъ, но онъ назначилъ свои лекціи въ самое неудобное время, 3—4 часа, когда служительская щетка уже выметала пыль университетскихъ коридоровъ, а въ кухмистерскихъ заканчивались обѣды. Непонятно, почему онъ выбралъ и самую большую изъ университетскихъ аудиторій. Она зіяла пустотой и только два—три человѣка на передней скамьѣ благоговѣнно ловили выходящія изъ устъ профессора рѣчи и,

преданные ему бесконечно, готовы были *jurare in verba magistri*. Это были М. И. Александровскій, впоследствии окружной инспектор Варшавскаго округа, если не ошибаюсь, Поржезинскій, и — Шахматовъ. Я заглянулъ было въ эту залу, но когда услышалъ, какъ сонно, тягуче и чуть слышно тянулъ профессоръ свои нескончаемые періоды, закачался и больше уже не показывался передъ Фортунатовымъ, пока не насталъ день экзамена.

Ахъ, этотъ экзаменъ! Онъ насталъ послѣ трехъ трудныхъ испытаній у Герье, Ключевскаго и Виноградова, когда мы, студенты перваго курса, должны были за 3 недѣли поглотить 3 громадныхъ курса по 60 листовъ въ каждомъ. Отъ литографированныхъ срочекъ рябило въ глазахъ. Изъ маленькихъ комнатъ Фальць-Фейна такъ хотѣлось уйти на Тверской бульваръ, гдѣ царилъ май, и посидѣть на скамейкѣ, ни о чемъ не думая, только глядя, какъ мимо подъ звуки музыки движется толпа людская. А у Фортунатова всего только было 8 маленькыхъ листиковъ, и всѣ почему то говорили, что онъ на экзаменахъ ничего почти не требуетъ. О, легкомысленная молодость! Какъ легко закрываетъ она глаза на дѣйствительность. Но вотъ насталъ день экзамена первой группы, и вчеромъ по Тверскому бульвару разнеслась тревожная вѣсть:

— Знаете, Фортунатовъ разсердился, что никто ничего не знаетъ, и ставитъ двойки!

Экзаменъ второй группы подтвердилъ роковое извѣстіе. Пришлось скорѣе взятыся за 8 листиковъ лекцій. Но не тутъ-то было! 8 листиковъ оказались хуже, чѣмъ пные 60. Фортунатовъ читалъ такими длинными періодами, что предложеніе начиналось на концѣ одной литографированной страницы, а кончалось въ концѣ слѣдующей. Скажетъ подлежащее, а затѣмъ въ скобкахъ идетъ чуть не на цѣлую страницу вводная фраза, и только затѣмъ уже вы узнаете оброщеное цѣлымъ ассортиментомъ мелкихъ придаточныхъ предложеній сказуемое. На экзаменѣ были курьезные случаи:

— Индоевропейское *a* переходитъ въ *и* оцѣчиваетъ студентъ.

— Позвольте; этого быть не можетъ, прерываетъ профессоръ.

— Нѣтъ, это именно такъ: *a* переходитъ въ *и*. Такъ сказано въ вашихъ лекціяхъ.

— Не въ и, но въ у. Я употребляю для обозначенія звуковъ латинскій шрифтъ.

— Но откуда же я могу это знать! наивно воскликнулъ студентъ.

Съ трудомъ пробѣжалъ я съѣшно 8 листовъ лекцій и получилъ таки три, но тройка эта оттолкнула меня надолго отъ моря лингвистики. Шахматовъ съ блескомъ проплылъ это море. Передъ Фортунатовымъ онъ почти благоговѣлъ. Очевидно, покойный нашъ профессоръ, несмотря на виѣшнїе недостатки своего изложенія, былъ изъ тѣхъ сильныхъ людей, которые умѣютъ вовлечь въ свой кругъ человѣка, если только онъ хоть разъ съ интересомъ заглянетъ къ нимъ въ глаза. По трудность и запутанность изложенія учителя отразилась до нѣкоторой степени и въ трудахъ Шахматова. Это, конечно, недостатокъ. Ученый не долженъ освобождать себя отъ обязанности говорить ясно, просто и вразумительно. Надо, впрочемъ, сказать, что по трудности изложенія Шахматовъ не можетъ идти и въ сравненіе съ Фортунатовымъ.

Въ 1888 г. я кончилъ курсъ въ университетѣ, и судьба на долгіе годы выбросила меня за предѣлы родины. Только издали и отрывочно доносились до меня вѣсти о старыхъ знакомыхъ. Удивленъ я былъ очень, узнавъ, что Шахматовъ вмѣсто ученой и профессорской карьеры, которая передъ нимъ разстилалась, выбралъ для себя другую: сталъ земскимъ начальникомъ Саратовскаго уѣзда! Но вскорѣ дошла и новая вѣсть: изъ земскихъ начальниковъ онъ сразу превратился въ академика Императорской Академіи Наукъ. Двадцатипятилѣтній земскій начальникъ въ роли ученаго академика — это случай единственный и совершенно необычайный въ исторіи русскаго просвѣщенія. По необычнымъ былъ и тотъ ученый, которому онъ выпалъ на долю.

Не вдаваясь въ оцѣнку ученыхъ работъ Шахматова, мнѣ остается досказать здѣсь свои личныя впечатлѣнія.

Прошло болѣе 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ гостепріимномъ домѣ Чебышевыхъ-Дмитріевыхъ вѣнчали насъ ландышами и звенѣли заздравныя чаши въ честь трехъ юношей, в тупавшихъ въ жизнь. Шахматовъ успѣлъ стать за это время европейскимъ ученымъ; я выпустилъ изъ стѣнъ гимназіи сотни польскихъ дѣтей и, стараясь лелѣять ихъ дѣтство, забылъ про все остальное. Изъ книгъ Шахматова я прочелъ за это время только одну небольшую

брошюрку о призваніи варяжскихъ князей. Я думалъ, что она понадобится мнѣ для моихъ „Бесѣдъ о русской словесности“, но ошибся. Въ „Бесѣдахъ“, однако, пришлось мнѣ упомянуть о давнихъ дняхъ нашего „Братства“, и я счелъ нужнымъ послать ихъ Шахматову, а вскорѣ въ Петербургѣ на торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ въ честь А. С. Хомякова мы встрѣтились и лично. Шахматовъ призналъ меня только по голосу — такъ я измѣнился, — но онъ самъ былъ почти неизмѣняемъ и, если бы вмѣсто синяго академическаго фрака надѣтъ на него старый гимназическій мундиръ да сбрить коротенькіе рыжеватые усы, передо мною стоялъ бы Шахматовъ тѣхъ давнихъ прежнихъ дней, съ которымъ когда-то, бывало, сѣлиши мы вмѣстѣ во дворецъ Елисаветы къ нашимъ чернымъ гимназическимъ скамьямъ. И теперь, глядя изъ залы на эстраду, если-бы не высокая фигура великаго князя Константина Константиновича, который сидѣлъ рядомъ съ Шахматовымъ, можно было бы подумать, что это, скрестивъ ножки подъ столикомъ, сидитъ за книжкой Ливія маленькій гимназистикъ. Шахматова знала вся Россія, его цѣнилъ ученый міръ Европы. Но онъ остался вѣренъ давнимъ преданіямъ нашей родной Москвы. Почести и слава не легли на него тѣнью. Передо мною стоялъ не бюрократъ, не высокій чиновникъ, не ученый и не академикъ. Передо мною былъ только — человекъ.

Съ тѣхъ поръ начались наши письменныя съ нимъ сношенія. Онъ присылалъ мнѣ академическія изданія, и мы мѣнялись книгами. Первымъ пришелъ ко мнѣ толстый, объемистый томъ изслѣдованія о русскомъ лѣтописномъ сводѣ. На основаніи мелочнаго анализа лѣтописи, Шахматовъ старался здѣсь выдѣлить изъ дошедшаго до насъ текста лѣтописи болѣе ранній и изъ этого послѣдняго еще болѣе ранній, такъ называемый начальныи сводъ. Это была огромная ученая работа. Злые языки говорили, что это дѣло чистѣйшаго произвола, но, чтобы утверждать это съ основаніемъ, надо было бы подвергнуть подробному критическому разбору весь выставленный Шахматови ученый арсеналъ. Но этого, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ еще никто не сдѣлалъ и, вѣроятно, еще долго не сдѣлаетъ, потому что задача эта требуетъ такого же кропотливаго изслѣдованія, како было вложено Шахматовымъ въ его работу. А плоды Шахматовской работы, уже на лицо: не будь этого изслѣдованія Шахматова, мы бы не

имѣли замѣчательныхъ книгъ Приселкова о церковно-политической исторіи Кіевской Руси и Аничкова о древнерусскомъ язычествѣ. Оба эти ученые вышли изъ открытій, сдѣланныхъ Шахматовымъ.

Я только посмотрѣлъ на присланныя мнѣ страницы. Такъ смотреть въ утлой лодочкѣ рыбацкѣ на дальнюю пучину открытаго и глубокаго моря, которую смѣло взрываютъ большія колеса океанскаго парохода. Но за то, когда подь конецъ жизни, послѣ ухода изъ университета Соболевскаго, Шахматовъ съ высотъ академической учености спустился, наконецъ, въ аудиторію петербургскаго университета и издалъ свое „Введеніе въ курсъ русскаго языка“, я сталъ самымъ прилежнымъ его читателемъ. Не знаю лингвистической книжки живѣе, интереснѣе, даже увлекательнѣе. Сколько познаній, сколько учености, сколько того, что не дается никакими знаніями, никакою ученостью — блеска остроумія, неожиданности сближеній, полета мысли. Сколько жизни, наконецъ! Шахматовъ былъ лингвистомъ. Для большинства публики это чуль ли не синонимъ буквоѣда. Но буква не заѣла Шахматова. Онъ изъ тѣхъ рѣдкихъ ученыхъ, которые точность анализа умѣютъ соединить съ высотой научнаго синтеза. Онъ не разлагаетъ только, но и живетъ. И, представитель отвлеченной и, казалось бы, далекой отъ жизни науки звуковъ, какія неожиданныя и до него недоступныя умѣлъ онъ показывать дали. Вотъ всего только одно маленькое наблюденіе. *Дегна*. Почему этотъ лѣвый притокъ Днѣпра названъ правымъ? Да потому, очевидно, что тѣ, которые, его такъ назвали, увидѣли его справа. И вотъ передъ нами открываются событія, о которыхъ не запомнила писанная исторія, движенія нашихъ предковъ съ юга на сѣверъ, отъ береговъ Чернаго моря вверхъ по старому Борисеену-Березинѣ. Передъ исторической мглой этой дали останавливается безпомощно историкъ народа, но приходитъ историкъ языка, и туманъ разсѣивается.

Такъ, живя среди своихъ буквъ, Шахматовъ умѣлъ открывать намъ новые міры, углублялъ русское и славянское самознаніе.

Въ этой реставраціи доисторическаго прошлаго меня лично всего болѣе интересовали два вопроса: — одинъ о давнемъ населеніи моей родины, нашихъ орловской и калужской губерній, дру-

гой — о прародинѣ и расселеніи всѣхъ насть, славянѣ. Шахматовѣ думалъ, что, анты и позднѣйшіе южные славяне устремились изъ Повисльа на югъ, ляхскія племена вятичей и радимичей двинулись на оставленные ими мѣста и заселили теперешній центръ Россіи: „Бяста бо 2 брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другой Вятко, и прешедъша сѣдоста Радимъ на Съю, и прозвапаса Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ на Оцѣ, отъ него же прозвапаса Вятичи“. Мнѣ было пріятно указать Шахматову въ рецензійи на его книгу, что къ тѣмъ же утвержденіямъ, что и онъ, пришелъ путемъ чисто бытовыхъ наблюдений въ предисловіи къ своей повѣсти „Аксинья“ извѣстный польскій писатель Адамъ Шиманскій, который, отбывъ въ Сибири ссылку, прожилъ нѣкоторое время въ окрестностяхъ нашей Брыни. Наши крестьянскія дѣвушки ходятъ часто въ деревняхъ въ одной холщевой рубашкѣ. Въ легкости и изяществѣ, съ которымъ онѣ носятъ этотъ своеобразный костюмъ, Шиманскій усматривалъ между прочимъ ихъ ляхское происхожденіе. Легкомысліе этихъ забавныхъ польскихъ подкрѣпленій не лишило, конечно, доводы Шахматова серьезнаго значенія: послѣднія антропологическія изслѣдованія, сколько мнѣ извѣстно, подтвердили его теорію. Что касается другой теоріи о славянской прародинѣ, теоріи, которую можно было бы назвать Балтійскою, потому что Шахматовъ считаетъ прародиной славянъ Балтійское побережье, ей нанесено было весною 1920 г. въ за-сѣданіи Саратовскаго Общества исторіи и археологій нѣсколько серьезныхъ ударовъ въ сообщеніи проф. Г. А. Ильинскаго. Ученый міръ вообще отнесся къ ней съ осторожностью. Но и самыя серьезные изъ ударовъ направлены только на исходный пунктъ этой теоріи. Нарисованная же Шахматовымъ чрезвычайно любопытная картина расселенія славянъ изъ Повислиньа осталась нетронутой и, думается, она устоитъ отъ всѣхъ ударовъ критики. По моему мнѣнію, вся исторія Шахматова въ ея цѣломъ настоящее торжество лингвистики. Это — цѣлая лингвистическая поэма. Это — блестящій и глубокій синтезъ, гдѣ изъ подъ анализа звуковъ вскрывается полная картина доисторической жизни славянства и Руси, новое построеніе нашей ранней исторіи. Единственное въ своемъ родѣ. Кто бы хотѣлъ его отвергнуть, долженъ бы дать свое новое.

Лекціи въ Петербургскомъ университетѣ въ общемъ ходѣ ученой работы Шахматова имѣли большое значеніе: онѣ заставили его остановиться на минуту и дать намъ единый общій взглядъ на развитіе русскаго языка въ его цѣломъ. Конечно, этотъ синтезъ представляетъ собою только картину американскаго многоэтажнаго дома, въ которомъ одни этажи уже отдѣланы, а другіе еще сквозятъ пустотой, обнаруживая только стальную скрѣпу домовой кѣтки. Но что изъ того, что въ 5 и 6-мъ этажѣ уже живутъ, а во 2, 3-мъ и 4-мъ скелетъ дома еще не одѣлся ни въ одинъ камешекъ? Домъ-то, все-таки, существуетъ, единый и цѣльный.

Шахматову предстояло теперь достроить этотъ домъ, и онъ уже началъ эту работу, издавъ въ „Энциклопедіи славянской филологіи“ объемистый томъ исторіи древнѣйшаго періода русскаго языка. По окончить эту работу ему не было дано. Въ двери его постучался строгій ангелъ смерти.

Какъ общественный дѣятель, Шахматовъ плавалъ въ водахъ, которыя по старинной терминологіи назывались у насъ „либеральными“.

Проживъ всю свою жизнь внѣ Россіи и какихъ бы то ни было политическихъ теченій, этой стороны его жизни я не знаю. Но знаю, что партійность не погубила широты его сочувствій и что всякій, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, находилъ въ немъ поддержку и помощь. Не было челоуѣка обязательнѣе, доступнѣе, привѣтливѣе Шахматова. Другіе, становясь академиками, замыкаются въ нибѣ академической учености и величія. Для Шахматова его мѣсто въ Академіи и связанныя съ нимъ должности директора Академической библіотеки и редактора „Извѣстій 2-го отдѣленія“ были только новымъ видомъ и средствомъ служенія обществу. Одинъ мой ученикъ сказалъ мнѣ когда то: „Надо намъ такъ жить, чтобы каждый, кому приходится имѣть съ нами дѣло, чувствовалъ себя отъ этого легче“. Шахматовъ этотъ простой, но мудрый совѣтъ осуществилъ вполне.

Дѣятельность его въ Академіи совпала по времени съ президентствомъ великаго князя Константина Константиновича, которому онъ уже въ дни революціи благородно и благодарно посвятилъ свою послѣднюю книгу. Это было золотое для Академіи время. Сближая Академію съ общественной жизнью, учре-

ждень былъ институтъ почетныхъ пушкинскихъ академиковъ, устроенъ Пушкинскій домъ при Академіи, двинуть, наконецъ, впередъ Словарь русскаго языка, задумана и начата „Энциклопедія славянской филологіи“, оживились „Извѣстія“. А сколько невидной для публики работы, сколько помощи, посещеній, поддержки молодымъ ученымъ, сколько умѣнія привлечь къ ученой работѣ широкій кругъ людей!

Въ политическихъ выступленіяхъ послѣдняго времени Шахматовъ не принималъ участія. Онъ ушелъ въ свои работы по исторіи русскаго языка. Какъ настоящій ученый, онъ зналъ, что нѣтъ культуры безъ уваженія къ прошлому и его преданіямъ, ибо культура эта только передача накопленнаго однимъ поколѣніемъ труда другому. Онъ чистымъ вынесенъ въ могилу.

Маленькій ушелъ отъ насъ ростомъ человекъ, а большую оставилъ по себѣ пустоту.

22 августа 1920 г.
Саратовъ.

Андрей Сиротининъ.